

А. Н. Круглов

О понятии просвещения в русской философии XVIII века

УДК 1(091)(470)"17"

DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_225

EDN NODWUE

Аннотация: Начиная с конца XIX в. исследовательский взгляд на просвещение в России постоянно менялся. К концу XX в. доминирующим стало представление, согласно которому Просвещение рассматривается как общеевропейский социально-исторический, философский, культурный феномен, атрибутивным, но своеобразным элементом которого оказывался процесс Просвещения в России. Особенности черты русского Просвещения объяснялись особенностью экономического развития России. Исследователи исходили из существования некоего эталона Просвещения, в качестве которого чаще всего выступала Франция XVIII в. Само понятие просвещения, сквозь призму которого рассматривалась русская мысль XVIII–XIX вв., оказывалось поздним исследовательским конструктом, *post factum* обращаемым на объект изучения. Собственное понимание просвещения и оттенки этого понятия, выражаемые самими мыслителями так называемой эпохи Просвещения, практически полностью игнорировались или даже подвергались остракизму. Вопреки сложившейся исследовательской практике автор пытается выявить исконный русский смысл понятия просвещения в XVIII в. и то значение, которое ему придавали русские мыслители данной эпохи. В результате очерчиваются несколько ключевых значений не сконструированного *post factum*, а бытовавшего в XVIII в. понятия просвещения (осияние светом, обогащение ума познаниями, праздник Богоявления и Крещение), показывая его глубокие религиозные и нравственные коннотации.

Ключевые слова: просвещение, эпоха Просвещения, русское просвещение, духовное просвещение, митрополит Платон, И. П. Пнин, Н. Н. Поповский, В. Н. Татищев, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков.

Об авторе: **Алексей Николаевич Круглов**

Профессор, доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета Российского Государственного Гуманитарного Университета.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

Для цитирования: Круглов А. Н. О понятии просвещения в русской философии XVIII века // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 225–245.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 11.09.2022.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2023

Alexei N. Krouglov

The Concept of Enlightenment in Russian Philosophy of the 18th century

UDK 1(091)(470)"17"

DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_225

EDN NODWUE

Abstract: Since the end of the 19th century, the scholarly view of Enlightenment in Russia has been constantly changing. By the end of the 20th century the dominant view was that the Enlightenment is regarded as a pan-European socio-historical, philosophical, cultural phenomenon, the attributive, but peculiar element of which was the process of Enlightenment in Russia. The special features of the Russian Enlightenment were explained by the peculiarity of the economic development of Russia. The researchers proceeded from the existence of a certain standard of the Enlightenment, which most often was France of the 18th century. The very concept of enlightenment, through the prism of which Russian thought of the 18th–19th centuries was considered, turned out to be a late research construct, post factum turned to the object of study. The own understanding of enlightenment and the shades of this concept, expressed by the thinkers of the so-called Enlightenment, were almost completely ignored or even ostracized. Contrary to the established research practice, the author tries to reveal the original Russian meaning of the concept of Enlightenment in the 18th century and the importance attached to it by Russian thinkers of that era. As a result, several key meanings are outlined, not constructed post factum, but existing in the 18th century: the concepts of Enlightenment (shining with light, enrichment of the mind with knowledge, the feast of the Epiphany and Baptism), and its deep religious and moral connotations are shown.

Keywords: Enlightenment, Aufklärung, lumières, age of enlightenment, Russian enlightenment, spiritual enlightenment, metropolitan Platon, I. P. Pnin, N. N. Popovsky, V. N. Tatishchev, D. I. Fonvisin, N. I. Novikov.

About the author: **Alexei Nikolaevich Krouglov**

Professor, Doctor of Sciences, Professor of the Department of Philosophy at the Russian State University for the Humanities.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

For citation: Krouglov A. N. The Concept of Enlightenment in Russian Philosophy of the 18th century. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 1, pp. 225–245.

The article was submitted 28.07.2022; approved after reviewing 28.08.2022; accepted for publication 11.09.2022.

Что такое Просвещение в России, было ли оно, и если было, то когда именно и кто к нему относится, в каком отношении оно находится к Просвещению в Западной Европе, каковы его итоги — это круг вопросов, в ответах на которые доминируют историки, но никак не философы или историки философии. Если же последние и затрагивают тему Просвещения в России, то, как правило, попросту движутся в русле того направления, которое постепенно укрепилось благодаря не одному поколению историков и некоторых философов и превратилось в банальный школьный вопрос.

При этом большинство современных историков России исходит из представлений о существовании некоей европейской эпохи Просвещения, которая в приблизительном виде датируется XVIII в., некоторым вариантом которой со специфическими особенностями и оказывается случай России. Под европейским же Просвещением, выражаемым на английском языке термином *Enlightenment*, на французском — *Lumières*, а на немецком — *Aufklärung*, понимается некий век разума, борьба с феодализмом, Церковью, процесс секуляризации, критика предрассудков, мистицизма, мечтательства, обскурантизма, идея исторического и социального прогресса, некая буржуазность, так что по крайней мере частично все это нашло свое выражение во французской революции XVIII в. Взгляды этого коллективного европейского Просвещения составляются из наиболее ярких высказываний французских энциклопедистов, дополненных статьями И. Канта «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» В качестве классических примеров философского характера можно указать на известную книгу Э. Кассирера «Философия Просвещения» [Cassirer, 1932] или на работы П. Азара «Кризис европейского сознания 1680–1715 гг.» [Hazard, 1935] и «Европейская мысль XVIII века от Монтескье до Лессинга» [Hazard, 1946].

Статья Канта при этом выбивается из общего ряда подобных представлений о Просвещении: на вопрос о том, что же такое Просвещение, она отвечает устами самого философа той эпохи, в то время как в других случаях этот ответ за мыслителей XVIII в. дают историки XX в. В результате мы все время имеем дело с пусть и несколько меняющимся, но все же всякий раз сфабрикованным *post factum* понятием просвещения. Что же сами мыслители пресловутой эпохи разума думали о пресловутом «просвещении», как его называли, в чем видели его цели и опасности — за исключением случая Канта это мало кого интересует: за философов времен эпохи разума говорят современные историки.

Если же задать вопрос об аутентичном понимании просвещения, то сразу же выяснится неприятное обстоятельство: сами термины *Enlightenment* и *Lumières* возникли лишь *post factum*, и это как минимум тянет за собой дополнительные вопросы об адекватности расхожего ныне понятия просвещения как такового, ими обозначаемого. В России, как и в Германии (*Aufklärung*), само понятие «просвещение» было в ходу уже в самом XVIII в., и, так же как и немецкие мыслители, русские мыслители задавались вопросом о том, что из себя представляет это просвещение. И хотя такой бурной полемики о просвещении, как в Германии 80-х гг. XVIII в., в России не случилось, определенная дискуссия все же состоялась.

Но ни эта дискуссия, ни смысл просвещения в устах самих пресловутых русских «просветителей» исследователей этой эпохи совершенно не интересует — они предпочитают пользоваться объяснительными схемами марксистско-ленинской философии или же опираются на сконструированные на основе французских энциклопедистов лекала так, как будто в Париже хранится не только эталон метра, но еще и эталон «Просвещения».

В превознесенной исследователями Просвещения и рассматриваемой многими из них чуть ли не самым важным выражением всей эпохи французской «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел» по указанным выше причинам отсутствовала статья о *post factum* образованном понятии *Lumières*. Однако в пятом томе в 1751 г. Д. Дидро написал небольшую статью под названием «*Eclairé, clairvoyant*» (*Encyclopédie*, 1751, 269) — именно этот термин и можно рассматривать в качестве некоего аутентичного прототипа современного *Lumières*. В статье Дидро

показано тонкое различие между способностью ясно мыслить и ясно видеть. Отдельные статьи философского характера из французской энциклопедии переводились на русский язык неоднократно — можно указать как минимум на три издания XVIII и XX вв. Примечательно, что ни в одном из них указанная статья переведена не была — она была попросту неинтересна (см. [Козельский, 1770а; Козельский, 1770b; Богуславский, 1994]), поскольку то, чём является Просвещение, должен определять, согласно такому видению, не Дидро, а его современные исследователи.

Ниже я постараюсь, во-первых, показать, каким образом постепенно сложился такой взгляд на просвещение в России, который полностью игнорирует аутентичное понимание просвещения русскими мыслителями XVIII в., а во-вторых, на некоторых примерах также продемонстрировать особенности и характерные черты этого игнорируемого аутентичного понятия Просвещения.

I. Эволюция общих взглядов на Просвещение в России с конца XVIII до начала XXI вв.

Эволюцию общих взглядов на Просвещение в России можно проследить на примере справочных изданий. В первом оконченном на русском языке энциклопедическом издании — в «Справочном энциклопедическом словаре», изданном К. К. Крайем, — в соответствующем томе 1854 г. вовсе еще отсутствовала какая-либо статья о просвещении [Край, 1854, 316]. Через двадцать с небольшим лет, в 1876 г., в «Русском энциклопедическом словаре», изданном И. А. Березиным, статья о просвещении появилась, но носила общий характер: «...обогащение ума познаниями, прогрессивное развитие способностей человека, с целью улучшить его положение нравственное и физическое. П.[росвещение] народа представляет сумму всех его знаний по всем отдельным отраслям и всех семейных и гражданских отношений, все его умственное и нравственное достояние в данную эпоху. В общественном смысле слово это заменяется цивилизацией» [Березин, 1876, 567]. Но в «Настольном энциклопедическом словаре», преобразованном затем в энциклопедический словарь Гранат, в 1895 г. статья о просвещении вновь пропала [Настольный энциклопедический словарь, 1895].

Новой вехой явился «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в котором в 1898 г. Н. И. Кареев, вероятно, впервые в русском справочном издании представил просвещение уже в качестве некоей эпохи: «Просвещение (Aufklärung) — культурно-исторический термин, которым обозначается преимущественно умственное движение на западе Европы в XVIII в. (siècle des lumières). В связи с этим термином стоят другие, каковы: просветители, просветительная литература, просвещенный (или просветительный) абсолютизм. Как синоним П.[просвещения] употребляется выражение „философия XVIII века“» [Кареев, 1898, 469]. Примечательно, что поздний французский термин хотя и упоминается Кареевым, но напрямую просвещение все же увязывается им в первую очередь с немецким термином Aufklärung, в то время как поздний английский термин и вовсе отсутствует. Кроме того, Кареев прямо указывает в связи с дефинициями просвещения на Канта: «Уже в XVIII в. делались попытки определения основного характера П.[просвещения]. Из этих попыток наиболее замечательная принадлежит Канту (“Beantwortung der Frage: was ist Aufklärung?”, 1784)» [Кареев, 1898, 469]. Просвещение рассматривается как культурный, философский, эпохальный феномен, имевший место в Западной Европе — о России при этом не сказано ни слова. И хотя в энциклопедии имеется обширная статья про просвещенный абсолютизм, с социально-экономическими вопросами просвещение сопряжено лишь по касательной.

Через 6 лет, в 1904 г., в «Большой энциклопедии» под редакцией С. Н. Южакова общему пониманию просвещения из словаря Березина был противопоставлен специфический взгляд, согласно которому просвещение «совпадает с обучением в том отношении, что как то так и другое стремится к распространению правильных

или считаемых за правильные понятий, с той разницею, что П.[росвещение], в отличие от обучения, насаждает их не там, где их нет, а там, где, по его мнению, существуют неправильные понятия. Поэтому, оно выступает не как преподавание, обучающее в положительном смысле, а прежде всего разрушая все то, что до того считалось истинной, т. е. действует отрицательно, критически, и лишь на втором плане создает нечто новое на место прежних заблуждений» [Южаков, 1904, 698]. Тем самым анонимный автор статьи пронизательно подметил и в лаконичной форме выразил некоторые ключевые моменты кантовского понимания Просвещения. Но Россия при этом осталась за рамками его рассмотрения, будучи не включенной в процесс Просвещения.

После революции 1917 г. наблюдался существенно иной подход к рассмотрению просвещения. Начало ему явственно просматривается в первом издании «Малой советской энциклопедии» 1931 г. Здесь осуществляется разведение двух терминов: „века просвещения“ и „просветительной философии“, которым посвящены две разные статьи. И если первый термин вбирает в себя прежде всего социальное-экономический смысл, то второй отражает собственно философский в узком смысле слова. Согласно Н. Розенталю, век просвещения есть «условное наименование 18 в., характеризующегося в Европе просветительной философией и идеалами просвещенного абсолютизма» [Розенталь, 1931, 939], при этом Россия в этот век Просвещения автором не включается. Равным образом без России и без включения Канта рассматривает «просветительную философию» и М. А. Дынник: согласно ему, это есть «условный термин для обозначения многообразных философских учений эпохи торг. капитализма 2-й пол. 17 и гл. образ. 18 вв. П.[росветительная] ф.[илософия] выражала революцион. тенденции буржуазии, к-рая в борьбе со „старым порядком“ [...] выдвинула идеологию, основанную на „разуме“, пропагандирующая „просвещение“ в противовес вере и суеверию, наследию феодальной эпохи. Наиболее полное развитие П. ф. получила в таких передовых капиталистич. странах, как Англия, Франция и Германия» [Дынник, 1931, 936]. Таким образом, даже в статье о просветительной философии сама она определяется через идеологию классов и положение в смене общественно-экономических формаций, а не через ее собственное понимание, которое здесь попросту игнорируется.

Несмотря на то, что к началу XX в. само понятие просвещения уже, казалось бы, устоялось в виде обязательной словарной статьи, в энциклопедическом словаре братьев Гранат даже в послереволюционное время, в 1934 г., статья про просвещение в основных томах по-прежнему отсутствовала [Гранат, 1934, 573], чем воспроизводились некоторые дореволюционные тенденции.

Второе издание «Малой советской энциклопедии» в 1939 г. с небольшими стилистическими изменениями, но уже в анонимной форме воспроизводило текст статьи первого издания про просветительную философию — здесь, как и прежде, не включалась Россия, а Кант был записан не в представителей просветительной философии, а в классический немецкий идеализм [Малая советская энциклопедия, 1939, 738–739]. Статья же про век Просвещения во втором издании пропала¹.

Затем пришло время «Большой советской энциклопедии». В первом ее издании в 1940 г. была опубликована новая в сравнении с «Малой советской энциклопедией» статья об эпохе Просвещения, написанная историком Я. Я. Зутисом: эту эпоху он объяснял как «общепринятое обозначение 18 в. в истории развития буржуазного мировоззрения. „Просвещение“ понималось в двояком значении: 1) как пропаганда идей прогрессивной тогда буржуазии, на этом этапе выступавшей от имени всего третьего сословия и борющейся за политич. власть; 2) как критика старого феодального порядка с его сословным неравенством, религиозными суевериями, фанатизмом, невежеством и предрассудками» [Зутис, 1940, 316]. Как и прежде, кантовская философия в эпоху Просвещения не включалась. Ничего не говорилось в ней, как и ранее, и о Просвещении в России, но уже по другой причине: в 1940 г. впервые

¹ Если автором соответствующей статьи, подписанной в первом издании «Н. Розенталь», был историк Николай Николаевич Розенталь, то отсутствие этой статьи объясняется его арестом и высылкой в середине 30-х гг.

появилась специальная статья «Просветители в России», написанная Л. Бычковым²: «Название „просветители“ в России применяется в отношении ряда замечательных общественных деятелей, мужественных борцов против крепостного права, горячих поборников просвещения, свободы, борцов за интересы народных, крестьянских масс» [Бычков, 1940, 313]. Ранний этап русских просветителей Бычков датировал концом XVIII в. и связывал его с именами А. Н. Радищева, Ф. В. Кречетова и Н. И. Новикова. Более поздними представителями просветителей в России им были названы А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев. В цитате Кречетова из неуказанного источника о необходимости «просветить человек» [Бычков, 1940, 313]³ возникает и еще одна новация: впервые (если не считать ранние упоминания Канта) о «просвещении» говорит сам представитель «просвещения». Высказанная в статье Бычкова позиция и датировка нашла ряд сторонников среди отечественных литературоведов того времени (см.: [Берков, 1981, 173; Орлов, 1950; Макагоненко, 1952; Макагоненко, 1956; Макагоненко, 1961]). Не были редкостью и исследования историков о Просвещении в России XVIII в.⁴ В философских же исследованиях Просвещение в России преимущественно сдвигалось на XIX в., что видно в том числе в наиболее выдающейся работе того времени, написанной известным историком русской философии З. А. Каменским [Каменский, 1971].

Во втором издании «Большой советской энциклопедии» в 1955 г. сохранилась структура двух статей: про эпоху Просвещения и про просветителей в России. В первой существенно усилился полемический градус и закрепился взгляд с позиций исторического материализма: «...термин, введенный буржуазной историографией для характеристики 17 и гл. обр. 18 вв. в Зап. Европе как периода торжества разума, просвещения, науки над феодально-церковным невежеством и схоластич. псевдонаукой. Термин „эпоха просвещения“ выражает идеалистич. понимание историч. процесса, периодизацию истории, различающую историч. эпохи соответственно распространению той или иной идеологии. Отвергая этот подход к истории и различая эпохи по изменениям в производстве, в способах производства, к-рые обуславливают в конечном счете все стороны жизни общества, марксистская историография понимает под П.[росвещения] э.[похой] направленное против феодализма идейное движение молодой, прогрессивной буржуазии стран Зап. Европы в период подготовки и проведения буржуазных революций 17–18 вв.» [Просвещения эпоха, 1955, 91–92]. Традиция исключения Канта из эпохи Просвещения здесь по-прежнему продолжалась. В анонимной статье «Просветители в России» основные контуры воспроизводили предыдущую статью Бычкова, однако появились и некоторые изменения в датировке: просветителями здесь назывались в первую очередь «переводы общественные деятели 40–60-х гг. 19 в., выступившие в эпоху назревшего кризиса крепостного строя как представители прогрессивной буржуазной идеологии» [Просветители в России, 1955, 89], хотя их предшественниками теперь объявлялись уже не русские мыслители конца, а второй половины XVIII в. Единственная цитата про просвещение самого просветителя – Кречетова – здесь отсутствовала.

Итоговой для советского времени оказалось третье издание «Большой советской энциклопедии», в которой в 1975 г. появилась одна большая объединенная статья «Просвещение» [Левинтон и др., 1975, 104–110], отражающая действующий и поныне канон: «...идейное течение эпохи перехода от феодализма к капитализму, связанное с борьбой нарождавшейся буржуазии и народных масс против феодализма. В ряде стран Зап. Европы (где П. распространилось в 18 в., а частично, напр. в Англии, и в 17 в.) движение это было настолько широким и влиятельным, что уже у его современников возникло представление о пришедшей на смену „мрачному

² Вероятно, историк Лев Николаевич Бычков.

³ См. отрывки из сочинений Кречетова (Кречетов, 1966, 373–413). Стоит также отметить, что Кречетов употреблял и термин «умопросвещение» (Кречетов, 1899, IV). См. о Кречетове также [Чулков, 1933, 453–470].

⁴ В качестве пусть и более позднего примера можно указать на издание [Моряков, 1994].

средневековью“ *эпохе Просвещения* (франц. *siècle des lumières*, нем. *Zeit der Aufklärung*, англ. *Age of Enlightenment*). Термин „П.“ встречается у Вольтера, И. Гердера и др.; он окончательно утвердился после статьи И. Канта „Что такое Просвещение?“ (1784). Ист. и филос. наука 19 в. стала характеризовать П. как эпоху безграничной веры в человеческий разум („век разума“, „век философов“), в возможность перестроить общество на разумных основаниях, как эру крушения теологич. догматизма, торжества науки над ср.-век. схоластикой и церк. мракобесием» [Левинтон и др., 1975, 104–105]. Место Канта виделось не внутри Просвещения, а в выходе за ограничения его рационализма и в «*немецкой теории французской революции*», как ее охарактеризовал ранний К. Маркс [Левинтон и др., 1975, 107].

Внутри самой статьи о Просвещении имелся специальный раздел «Просвещение в России»: «В России, как и в Зап. Европе, П.[росвещение] представляло собой процесс духовной подготовки бурж. революции, характерную форму антифеод. идеологии, пока и поскольку она отражала нерасчлененность антифеод. сил. Основные черты П. в России сформулированы В. И. Лениным: 1) вражда „...к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области“; 2) „...защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России“; 3) „отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян... искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому“» [Левинтон и др., 1975, 108]. Авторы раздела А. И. Володин и Б. И. Краснобаев ссылаются при этом на работу Ленина «От какого наследства мы отказываемся» (Ленин, 1967, 519). Включив Россию в эпоху Просвещения, авторы попытались продемонстрировать как наличие в России общих черт эпохи Просвещения в целом, так и некоторых специфических особенностей, выдвинув ряд объяснительных причин подобного своеобразия: «Наличие родственных черт между зап.-европ. и росс. антифеод. движением обусловило совпадение основных идей П. в России и Зап. Европе, сходство его проявлений в философии, иск-ве, лит-ре и др. формах духовной жизни (борьба с религиозно-моральным догматизмом, рационализм, теории естественного права, обществ. договора, „разумного эгоизма“ и т. п.). Своеобразие ист. процесса (характер самодержавия и крепостного права, позднее развитие капитализма и формирование буржуазии в класс) определило особенности рус. П.: необычайную остроту в постановке крест. вопроса, преобладание в числе просветителей выходцев из дворянства, воздействие на П. противоречий бурж. развития зап. стран, с одной стороны, и реформаторских актов царизма – с другой» [Левинтон и др., 1975, 108]. Хронологически авторы ведут отчет от расцвета раннего русского Просвещения 60–80-х XVIII в. (Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, Я. П. Козельский, С. Е. Десницкий и др.) вплоть до XX в. (Л. Н. Толстой и В. Г. Короленко). Взгляд, представленный в данной статье «Большой советской энциклопедии», был положен в основу школьных и университетских пособий по истории в позднее советское время и хорошо знаком всем, кто учился в эту пору, – до такой степени, что многими воспринимается как само собой разумеющийся и единственно возможный.

Таким образом, итогом долгой дореволюционной и советской рефлексии о Просвещении в России в позднее советское время явилась позиция, согласно которой Просвещение стало рассматриваться как общий социально-исторический, философский, культурный феномен как минимум в Европе, обозначаемый при помощи терминов *Lumières*, *Enlightenment* и *Aufklärung*, вопрос об аутентичности которых хотя и не ставился, но в отношении первого косвенно, а третьего прямо решался положительно. Процесс Просвещения в России стал признаваться как таковой и восприниматься в качестве органической составной части общего процесса Просвещения. Датировка русского Просвещения стала постепенно сдвигаться с XVIII в. в сторону XIX в. Характер Просвещения как такового, включая и Просвещение в России, рассматривался сквозь призму борьбы классов и смены общественно-экономических формаций. Особенностью экономического развития России объяснялось и своеобразие Просвещения

в России. За исключением случайных упоминаний точка зрения самих русских «просветителей» на то, что они понимали под «просвещением», игнорировалась полностью — такое допускалось в лучшем случае для Канта, который сам исключался из эпохи Просвещения. Возможная связь Просвещения и религии выглядела нонсенсом, поскольку борьба с религиозным догматизмом и антиклерикализм объявлялись родовыми свойствами Просвещения в целом.

В постсоветский период большинство этих аспектов восприятия Просвещения в России сохранились, хотя произошли и некоторые изменения. В первую очередь, пропало видение Просвещения сквозь идеологическую призму борьбы классов и с точки зрения смены общественно-экономических формаций. В гораздо большей степени стал подчеркиваться культурный и философский, а не социально-экономический аспект Просвещения. Так, в статье 2000 г., воспроизведенной затем во втором издании 2010 г., одна из лучших российских исследовательниц европейского Просвещения Т. Б. Длугач в «Новой философской энциклопедии» утверждала: «Просвещение (франц. Lumièrе, нем. Aufklärung, англ. Enlightenment) — особый тип мировоззрения и философии, характеризующий культурную жизнь Европы и Америки в 18 в. Отличается антифеодальной направленностью, стремлением создать программу социальных преобразований и сформировать новый идеал человека. Центром по выработке такого мировоззрения стала *Энциклопедия*. <...> Объединенные вокруг нее передовые мыслители хотели осуществить начертанный Ф. Бэконом план „великого восстановления наук“, связывающий социальный прогресс с прогрессом научным. Требования политического равноправия признавались вытекающими из природного равенства людей. Исходным для всех просветителей стало понятие природы, которое по-разному трактовалось от отождествления природы с материальной субстанцией (Гольбах) до понимания ее как предмета эстетического восхищения и любования (Руссо). Важную роль в системе просветительских идей сыграло понятие воспитания. С ним связана установка на здравый смысл каждого индивида, поскольку он от природы наделен „естественным светом разума“. Просветители стремились к широкому распространению своих идеалов через литературные произведения, философские трактаты, исторические сочинения, театральные пьесы, эссе» [Длугач, 2010, 366]. В целом в этой тональности написана и статья 2015 г. о Просвещении в «Большой Российской энциклопедии», хотя в ней появилась и одна новация: «В историографии на протяжении 19 и б. ч. 20 вв. П.[росвещение] рассматривалось как идеол. подготовка революции во Франции. К кон. 20 — нач. 21 вв. подобная трактовка, заметно обеднявшая значение достижений эпохи и выдвигавшая на передний план только франц. П., сменилась более широким подходом» [Просвещение, 2015, 608]. Другой особенностью этой статьи был возврат к датировке начала Просвещения в России 60–80-ми гг. XVIII в., а также указание в качестве примера на «Недоросль» Д. И. Фонвизина.

Альтернативный взгляд на Просвещение в России был представлен в энциклопедических статьях и специальных исследованиях известного историка философии В. Ф. Пустарнакова. Его характерными чертами являлись галлоцентризм и поздняя датировка русского Просвещения. В статье «Просвещение в России» в «Новой философской энциклопедии» 2000/2010 гг. он утверждал: «Русское Просвещение типологически сходно с классическими образцами западноевропейского Просвещения от Локка до Руссо и является национально-региональной разновидностью Просвещения как одного из направлений мировой культуры. Классической моделью его выступает французское Просвещение 18 в.» [Пустарнаков, 2010, 368]. Согласно Пустарнакову, XVIII в. в России — это время проникновения просветительских идей и сочинений, собственное же Просвещение начинается лишь в XIX в.: «Русское Просвещение выражалось в формах, существенно отличных от теоретических построений представителей других направлений антифеодальной идеологии — дворянской революционности, либерализма, народничества. Родоначальником русского Просвещения выступил В. Г. Белинский, ставший на позиции зрелого Просветительства во всех частях своего мировоззрения, в т. ч. и в философии, в последний период своей жизни, в 1840-е гг.»

[Пустарнаков, 2010, 369]. Еще более ярко и развернуто этот взгляд был представлен в посмертной монографии ученого [Пустарнаков, 2002].

Наконец, еще одной новацией последнего времени явился взгляд, преимущественно распространённый среди части западных славистов, но находящий своих сторонников и среди некоторых отечественных исследователей, согласно которому самого Просвещения в России XVIII в. как такового попросту не было. Так, американский историк Д. М. Гриффитс проводил мысль о том, что сама возможность Просвещения в России Петра I и Екатерины II — нечто исключенное третье. И в качестве эталона, с которым сравнивалась Россия, у него вновь оказывалась Франция: «просвещенный деспотизм чаще всего ассоциируется с Просвещением, а Просвещение с Вольтером» [Гриффитс, 2013, 52]. Отталкиваясь от такого же собственного конструкта Просвещения, филолог В. М. Живов заявлял, что культура Просвещения в России — «мифологическое действие государственной власти. Русское Просвещение — это петербургский миф» [Живов, 2002, 449–450].

Таким образом, как бы ни менялся за более чем полтора столетия взгляд на Просвещение в России, все представленные выше довольно различные позиции объединяет одно обстоятельство — в них практически полностью игнорировался⁵ или даже подвергался остракизму [Пустарнаков, 2002, 30] вопрос о том, что означало в XVIII в. понятие «просвещение» и однокоренные с ним слова, как его употребляли философы, писатели⁶ и богословы того времени, и что они сами понимали под просвещением вне зависимости от тех «эталонов» и шаблонов, которые для их эпохи придумали историки и философы в XX и XXI вв.

II. Суть просвещения в устах русских мыслителей XVIII — начала XIX вв.

Во впечатляющей сцене трапезы в романе Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842) один из героев, Собакевич, многозначительно заявлял: «Толкуют — просвещенье, просвещенье, а это просвещенье — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично. У меня не так. У меня когда свинина, всю свинью давай на стол; баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует» (Гоголь, 2012, 94). Гоголь проницательно подметил скепсис в отношении воспринимающегося как нечто чужеродное просвещения, сложившийся в некоторых слоях российского общества к середине XIX в. Таким образом, уже довольно рано на смену и параллельно имевшему хождение в XVIII в. исконному значению просвещения пришло иное, отсылающее к пришедшей из-за границы моде. В чем же состояло это русское значение просвещения?

«Словарь церковно-славянского и русского языка» Императорской Академии наук фиксирует спустя пять лет после выхода в свет «Мертвых душ» четыре значения просвещения (учет значений однокоренного глагола дает еще более богатую палитру): осияние светом, обогащение ума познаниями, праздник Богоявления и крещение (Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847, 552). Ни над одним из них Гоголь не иронизировал устами своего персонажа. Запаздывающий словарь четко демонстрирует один из самых глубоких слоев, связанных в русском языке с просвещением — а именно религиозный⁷. В более раннем «Словаре Академии Российской» 1822 г. помимо уже знакомых значений осияния, праздника Богоявления и крещения

⁵ Удивительным образом одно из редких исключений здесь составляет исследование Г. В. Плеханова, написанное уже более ста лет назад (Плеханов, 1925).

⁶ Литературоведы оказались более чувствительны к этой проблеме; см., напр.: [Нива, 1999, 345–351; Воропаев, 2011, 80–83].

⁷ В данной статье я ограничусь хронологическими рамками XVIII в. и первых лет XIX в. О более ранних значениях, в том числе религиозного характера, см. [Словарь русского языка, 1995, 214–215].

имеется и иное значение, которое напоминает более поздний словарь Южакова: «Наставление, очищение разума от ложных, предосудительных понятий, заключений, противуполагается невежеству» (Словарь Академии Российской, 1822, 624). В толковании слова „просвещенный“ как «наученного или получившего истинное о чем понятие» (Словарь Академии Российской, 1822, 624) просматривается противопоставление истинного и неистинного способа просвещения.

Еще как минимум в таком важном для российской истории документе, как «Духовный регламент» (1721) сподвижника Петра I архиеп. Феофана (Прокоповича), явно заметно значение просвещения как просвещения духа и духом, которое в определенной степени слышится в этом слове и по сей день: «Духовнаго же именует того, который просвещен и обновлен, и водим есть Духом Святым» (Духовный регламент, 1866, 69–70, 48). Вряд ли совершенно чуждым оказывается до сих пор и понимание просвещения как крещения⁸: многим оно по-прежнему знакомо хотя бы благодаря известности таких православных песнопений, как «Разбойника благоразумного» со словами «и мене древом крестным просвети и спаси мя». Другие же религиозные оттенки понятия «просвещение» распознают сегодня, пожалуй, лишь те, кто хорошо знаком с внутренней жизнью Православной Церкви⁹.

В первой половине XVIII в. религиозный контекст просвещения был в России еще более явственен, чем позже. Хорошим примером здесь может служить известный историк и государственный деятель В. Н. Татищев — редкое упоминание просвещения обходилось у него без ссылок на Священное Писание. Так, в диалоге 1733 г. он подчеркивал: «Какая перемена пришествием всем Христовым в науках явилась? Ответ. Великая, и суще просвещение ума человеческого, и как Иоанн его свет истинный, иже просвещает всякого человека, „и свет во тьме светится и тьма его не объят“ (Иоанна, гл. 1, ст. 5), имянует. И сие просвещение не токмо духовное разумет, но и маральное, да не токмо при бытии его на земли, но и по вознесении его разуметь можем, зане он ту же силу просвещения оставил апостолом и для того их имяновал: „Вы есте свет мира и соль земли“ (Матфея, гл. 5, ст. 13 и 14)» (Татищев, 1979, 76).

По меньшей мере к середине XVIII в. весьма важным стало значение просвещения как обогащения ума познаниями, распространения наук и искусств. Довольно ярко это проявилось при открытии Московского университета в 1755 г. В своей речи, посвященной этому событию, профессор А. А. Барсов подчеркнул, что само имя «университет» означает собрание полезных для человеческой жизни наук, «весь круг просвещающего разум учения» (Барсов, 1952, 105). Ему вторил профессор Н. Н. Поповский, указывая в собравшихся на открытие университета лицах на «благородную ревность о просвещении учением вашего разума...» (Поповский, 1952, 87). Спустя почти два десятилетия в университетской речи 1774 г. первый русский университетский профессор философии Д. С. Аничков говорил об абстракции в мышлении как отличительной черте просвещенных людей, которая «много вспомоществует нам просвещению нашего разума и чрез то отличаемся мы от бессловесных скотов, однако и оно нередко совлекает нас с пути истинного» (Аничков, 1952, 156).

О том, какой размах размышления и рассуждения о просвещении приняли во второй половине XVIII в. в России, можно судить и по нижеследующему неполному списку сочинений, специально посвященных данному вопросу:

Шаден И. М. Слово о праве обладателя в рассуждении воспитания и просвещения науками и художествами подданных. М., 1771.

Чеботарев Х. А. Слово о способах и путях, ведущих к просвещению. М., 1779.

⁸ Об истоках такого понимания просвещения как крещения в греческой (φωτισμός, φωτισόμενος) и латинской (illuminatio) богословской мысли см. [Э. П. Б. и др., 2015, 614, 624, 633, 641 и др.].

⁹ Укажу лишь на одно из значений просвещенного в смысле преждеосвященного, т. е. подразумевается так называемая просвещенная служба, или литургия без совершения проскомидии, на которой предлагаются Св. Дары, освященные на предшествующей литургии; см. [Словарь русского языка, 1995, 214].

Безак Хр. Хр. Наставление, об изящных действиях просвещения разума. СПб., 1788.
Дамский К. Ф. Путь к добродетели и любомудрию или Избрание нравоучений, и главнейших познаний; служащих: для вкоренения в юношестве благонравия, и нужнейшаго просвещения. СПб., 1794.

Снегирев М. М. Слово о пользе нравственного просвещения. М., 1797.

Малиновский Ф. А. Слово о неразрывной связи истинного просвещения с благочестием. М., 1798.

Ертов И. И. Картина просвещения россиян, пред началом девятинадесять века. Отрывки и смесь. СПб., 1799.

Панкевич М. И. Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения. М., 1800.

Пнин И. П. Опыт о просвещении относительно к России. СПб., 1804.

Попугаев В. В. О политическом просвещении вообще. СПб., 1804.

Друг просвещения. Журнал Литтературы, Наук и Художеств. М., 1804–1806.

Городчанинов Г. Н. Разсуждение о действии просвещения на разум и сердце. СПб., 1808.

Однако и в том случае, если просвещение в первую очередь понимается как обогащение знаниями и науками, в России XVIII в. постоянно слышится в качестве подоплеку нравственно-религиозный мотив. Все тот же Поповский в речи при открытии Московского университета заявлял: «Некоторые погибшие люди, называемые афеисты, заразившись или упрямства, или неудобнопонятности душевредным ядом, бытие Божие с невозвратным отрицанием отвергают и начало сего света или ему ж самому приписывают, или различным причинам; и таких людей мы, христиане, будучи просвещенны познанием веры, сожалея, если восхощем возвратить от заблуждения и погибели на путь истинный, коим-то образом учинить можем: откровенной богословии им и представлять нечего, ибо они как Бога не признают, так и богословию и Священное Писание отвергают» (Поповский, 1952, 89). Таким образом, даже если в середине и во второй половине XVIII в. понятие просвещения стало приобретать бóльшие черты светскости по сравнению с толкованием в стиле Татищева, нравственный и религиозный подтекст обогащения знаниями никуда не пропал, пусть и выражался в менее богословской форме. В опубликованном после смерти поэта и драматурга А. П. Сумарокова слове «О любви к ближнему» в 1787 г. еще отчетливее, чем у Поповского, говорилось: «...о том что есть Бог не сомневается ни кто, из человек чистосердечных и благоразумных. А сомневаются о нем и не познавают его только одни не просвещенныя умствователи, отгорженныя злосердием и коркою науки от добродетели и от естественныя простоты показующия нам довольно бытие Божие, и не углубившияся в исследование премудрости Божией, уподобляяся мореплавателям, не видящим ни того берега, от котораго они отплыли, ни того, к которому мчатся. А просвещенныя наукою люди, чем более в ней углубляются, тем более ко утверждению и наконец ко ясному о пребывании и величестве Божиим приходят понятию» (Сумароков, 2010, 42). Таким образом, просвещение не только не понимается как распространение атеистических представлений и антиклерикальная борьба, но, напротив, именно с просвещением и связывается подлинная религиозная вера, что сближает русскую мысль того времени не с французской, а с немецкой мыслью.

Акцент на морали замечен в журнале издателя Н. И. Новикова «Утренний свет» (1780), в котором в этой связи подчеркивалось: «...нравоучение, просвещая разум, обращает оный к мудрости, очищая сердце, готовит оное к добродетели и сими путями ведет человека к земному и, надежнее еще, к небесному блаженству» (Новиков, 1951а, 401–402). А в комедии «Недоросль» (1783) драматург и дипломат Фонвизин устами своих героев доносил до читателей следующую предостерегающую мысль:

«*Правдин.* Но особы высшего состояния просвещают детей своих...

Стародум. Так, мой друг; да я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих, благонравие. Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу» (Фонвизин, 1959а, 169).

Фонвизин оставил также свидетельство о любопытном разговоре про безбожников с академиком Г. Н. Тепловым, разум которого был «учением просвещенный». В его передаче Теплов утверждал: «Сии людишки не не веруют, а желают, чтобы их считали неверующими, ибо вменяют себе в стыд не быть с Волтером одного мнения. Я знаю, что Волтер развратил множество молодых людей в Европе; однако верьте мне, что для развращения юношества нет нужды ни в Волтеровом уме, ни в его дарованиях» (Фонвизин, 1959b, 102)¹⁰.

Постоянный акцент на моральной и религиозной составляющей просвещения как обогащения знаниями, осуждающие замечания в адрес Вольтера косвенно свидетельствуют и о том, что данные основы присутствовали в России того времени далеко не всегда и далеко не у всех. Довольно рано просвещение стало носить карикатурные черты, превращаясь в некое подражание западноевропейской моде. В журнале «Живописец» (1775) все того же Новикова отмечалось, что «весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг; а сверх того и просвещение наше или, так сказать, слепое пристрастие ко французским книгам не позволяет покупать российских» (Новиков, 1959b, 175–176). Если у Новикова ирония направлена в адрес просвещения как слепого пристрастия к французским книгам, то у Гоголя спустя полвека — в адрес просвещения как пристрастия к европейским кулинарным блюдам. Еще язвительнее в этом отношении оказался писатель и баснописец И. А. Крылов, который в «Почте духов» за 1789 г. пародировал тех россиян, которые «устыдились, что они не просвещены, стали отдавать французам множество денег за безделицы, заставили себя возить в ящиках так, как возят на продажу деревенские мужики кур, засыпали головы свои мукой и теперь думают о себе, что они в просвещении перещеголяли всех европейцев» (Крылов, 1945, 215). В своем «просвещении» подобные соотечественники Крылова явно противопоставляли себя и предшествующим поколениям: «Просвещенные люди нынешнего века дивятся невежеству своих предков: к чему старались они наполнять свои житницы хлебом и содержать хорошо своих крестьян? Напротив того, сами, стараясь заглазить их погрешности, пекутся только о том, чтоб иметь у себя более кафтанов, и не иным чем думают лучше доказать свое просвещение, как промотав в шесть лет то, что предки их в несколько десятков лет скопили. Французы удивляются их просвещенному вкусу, смеются им в глаза и собирают с них деньги. Сии французы очень хитры и довели наконец до того, что почти всякий из здешних жителей мучится совестью и почитает за стыд, если не отнесет ежегодно к французам три четверти своего дохода и пятую часть всего своего имения» (Крылов, 1945, 215).

Напряжение, возникшее в XVIII в. между исконным морально-религиозным смыслом просвещения и проникающим в качестве моды из Западной Европы новым значением, накладываемым на все то же «просвещение», имело место и позднее, как минимум до середины XIX в., и было пронизательно подмечено Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847): «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово „просвещение“. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружающие, и знает, зачем произносит» (Гоголь, 1952, 285). В какой мере слова Гоголя об уникальности значения русского слова «просвещение» справедливы, вряд ли можно ответить без специального исследования, однако они в любом случае вызывают сомнения в отношении иных славянских языков, на которые наложила отпечаток православная культура. Но если говорить о противопоставлении русского слова «просвещение» французскому, немецкому или английскому аналогам,

¹⁰ В какой степени всерьез следует воспринимать слова о духовном развращении Вольтером из уст Теплова, обвиняемого в физическом развращении крепостных крестьян — вопрос открытый; см. [Осокин, 2013].

то размышления Гоголя оказываются весьма обоснованными. Но симптоматично и то, что уже у современников Гоголя его мысль натолкнулась на полное непонимание и воспринималась скорее как «припадок одностороннего патриотизма»: согласно безапелляционной реакции на замечание Гоголя известного почвенника А. А. Григорьева, «немецкое слово “Aufklärung” значит решительно то же самое», что и русское слово «просвещение» (Григорьев, 1982, 124)¹¹.

Наряду с осуждением карикатурного подражания ряду россиян, задумывавшихся над сутью просвещения в XVIII в., представлялось гораздо более важным указание на опасность того, что посредством бездумного распространения знания просвещение может вести к трагическим последствиям для религиозной жизни. Это как раз тот аспект Просвещения, который неоднократно проговаривали многие значительные немецкие просветители — в частности, И. Ф. Цельнер¹² или И. Н. Тетенс (см. об этом: [Круглов, 2014, 30–31]), но который игнорировался большинством их современников во Франции. В этой связи особую остроту приобретает противопоставление истинного и неистинного просвещения. Пожалуй, одним из ключевых русских мыслителей, обдумывавших проблему истинного и ложного просвещения в XVIII в., был митрополит Московский Платон (П. Г. Левшин). Называя в 1785 г. христиан «Евангельским светом просвещенными» (Платон Левшин, 1786, 270), он прояснил, что великое знание, совершенная премудрость, противоположные невежеству, приходит с лицемерием Божиим (Платон Левшин, 1786, 273). Однако состоит это знание и мудрость не в энциклопедичности и полиглоти: «...люди просвещенные, знающие, в чем состоит добро и худо...» (Платон Левшин, 1786, 274). Если М. Мендельсон в 1784 г. прояснял значение просвещения в его сравнении с образованием и культурой (Mendelssohn, 1784, 193–200), то у митр. Платона в 1777 г. обнаруживается иная понятийная тройка — разум, просвещение и мудрость: «...разум есть познание истинны; просвещение есть разумение закона; мудрость есть знание своего истинного благополучия» (Платон Левшин, 1780b, 80). Как и Татищев или Сумароков, митр. Платон связывал такое просвещение с узрением Бога и с любовью, проповедуя в 1777 г. следующим образом: «Когда сияет в разуме твоём истинное просвещение: не лъзя, чтоб совершенства Божия, яко первыя истинны, не были по возможности человеческой открыты тебе. А с чистым совершенства понятием не разлучно сопряженна и любовь. И по томуб неотменно сердце твое восхищенно было любовию совершеннейшаго Блага» (Платон Левшин, 1780a, 146–147). Но, пожалуй, наиболее доходчиво собственное понимание истинного просвещения митр. Платон выразил двумя годами позднее, в 1779 г.: «...истинное просвещение не все умеют различать от наружного и притворнаго. Не в том истинное

¹¹ Позже в России все же предпринимались некоторые попытки провести определенное различие между русским «просвещением» и немецким *Aufklärung*, хотя и иначе. Так, редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич — кстати, член ученого комитета министерства народного просвещения по всеобщей истории — в статье на смерть Н. А. Некрасова сравнил литературную деятельность русского поэта с эпохой *Aufklärung* в Германии, делая существенные оговорки: «Чтобы понять вполне значение такого “Aufklärung”, мы должны несколько отрешиться от понятия, которое соединяется вообще с нашим переводом немецкого выражения словом: *просвещение*, и которое у нас, в иных случаях, выражает даже прямо противоположное тому, что говорится этим словом. Эпоха „просвещения“ в Германии была главным образом эпохой просветления ума и чувства в обществе, — возбуждения общественной совести, и с этою-то целью литература старалась сделать наглядным, выяснять бедственное положение масс...» [Стасюлевич, 1878, 908]. Иначе обстоит дело с «просвещающей» литературой в случае Некрасова: «она вовсе не увеличивает массы знания; напротив, она и говорит только о том, что все про-себя знают; она не делает открытий, и именно настаивает на том, что лежит собственно пред всеми открыто; но она вносит свет в минуты помрачения или ослабления общественной совести и будит то, что начинает дремать в нашей нравственной природе, или даже и то, что заснуло и не просыпалось целыми веками. <...> есть эпохи, когда великий художник действует могущественнее, чем целые трактаты, направленные, в настоящем случае, например, против крепостного права...» [Стасюлевич, 1878, 909].

¹² См. его басню про обезьяну: (Zöllner, 1784, 480).

просвещение состоит, чтоб разными языками знать говорить, чтоб тело уметь по-ставить в правильном положении, чтоб ноги изучить плясанию: но чтоб узнать Бога и себя; знать, что есть общество, и связь его, какими делами славу получить, и в чем состоит истинная слава, что есть честность, и как ее к себе привадить, чтоб корысть оную непреодолела?» (Платон Левшин, 1780с, 304). Принципиально важно при этом, что говоря об истинном и ложном просвещении, митр. Платон совершенно естественно опирался как раз на исконный смысл этого русского понятия, а не ориентировался на сконструированные историками будущих времен пресловутые понятия Enlightenment или Lumières, коих и не существовало в его время¹³.

Наконец, еще один аспект понимания просвещения русскими мыслителями XVIII в., который явно присутствовал, но при этом имел наименьшее число пересечений с религиозными толкованиями, состоял в некоторой его социально-политической трактовке, что в некотором смысле приближает подобное толкование к марксистско-ленинскому взгляду советского периода. Один из самых значимых русских мыслителей и ученых XVIII в. — М. В. Ломоносов — совершенно недвусмысленно связывал просвещение в России с деятельностью Петра I (Ломоносов, 1759а, 732; Ломоносов, 1759b, 809; Ломоносов, 1759с, 592, 603–604). Первый русский профессор права С. Е. Десницкий в университетской речи 1781 г. использовал распространенные тогда выражения «просвещенные народы» и «просвещенные времена». Во главе этого процесса он рассматривал уже Екатерину II, которую он назвал «великой предводительницей просвещения и преуспеяния народного» (Десницкий, 1952, 272). Кант спустя три года назвал «эпохой Просвещения» «век Фридриха» (Кант, 1794, 143; Кант, 1923, 40).

Современные толкования просвещения нередко исходят из того, что одним из его главных позитивных выражений явилась французская революция XVIII в. Но в рефлексии русских философов этого периода мы обнаруживаем, скорее, противоположный взгляд. Подводя определенные итоги XVIII в. и наблюдая за террором французской революции, Н. М. Карамзин в 1795 г., через шесть лет после посещения Канта в Кенигсберге, устами своего героя на страницах журнала «Аглая» воскликнул: «Где плод наук и мудрости? Где возвышение кротких, нравственных существ, сотворенных для счастья? — Век просвещения! Я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя — среди убийств и разрушения не узнаю тебя!.. Небесная красота прельщала взор мой, восплаляла мое сердце нежнейшею любовью, в сладком упоении стремился к ней дух мой, но — небесная красота исчезла — змеи шипят на ее месте! — Какое превращение! Свирепая война опустошает Европу, столицу искусств и наук, хранилище всех драгоценностей ума человеческого, драгоценностей, собранных веками, драгоценностей, на которых основывались все планы мудрых и добрых! — И не только миллионы погибают; не только города и села исчезают в пламени; не только благословенные цветущие страны (где щедрая натура от начала мира изливала из полной чаши лучшие дары свои) в горестные пустыни превращаются — сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснейшее зло для бедного человечества. Мизософы торжествуют. „Вот плоды вашего просвещения! — говорят они, — вот плоды ваших наук, вашей мудрости! Где воспылал огонь раздора, мятежа и злобы? Где первая кровь обогригла землю? И за что?.. И откуда взялись сии пагубные идеи?.. Да погибнет же ваша философия!“» (Карамзин, 1964а, 247–248). И хотя устами своего другого персонажа Карамзин и сформулировал собственное понимание «истинного» просвещения, которое осталось неизменным, несмотря на ужасы французской революции, взгляд на перспективы просвещения это вряд ли спасло: «Просвещение всегда благотворно; просвещение ведет к добродетели, доказывая нам тесный союз частного блага с общим и открывая неиссякаемый источник блаженства в собственной груди нашей; просвещение

¹³ К сожалению, даже появившиеся в последнее время исследования о митр. Платоне как на русском, так и на английском языках, несмотря на содержащиеся в них цитаты самого владыки о просвещении, ориентируются на возникший задним числом конструкт вроде «источков в Просвещении демократического европейского управления» [Wirtschaftler, 2013, 4]; см. также: [Глазева, 2010, 120–131].

есть лекарство для испорченного сердца и разума; одно просвещение живодетельною теплотою своею может иссушить сию тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвит все изящное, все доброе в мире; в одном просвещении найдем мы спасительный антидот для всех бедствий человеческих! — Кто скажет мне: „Науки вредны, ибо осьмой-надесятый век, ими гордившийся, ознаменуется в книге бытия кровию и слезами“, тому скажу я: „Осьмой-надесятый век не мог именовать себя просвещенным, когда он в книге бытия ознаменуется кровию и слезами“» (Карамзин, 1964b, 255–256).

Еще одним примечательным с точки зрения политического толкования просвещения оказывается, помимо статей Карамзина, сочинение поэта и служащего министерства народного просвещения, учрежденного в России в 1802 г., И. П. Пнина под названием «Опыт о просвещении относительно России» (1804). Его ответ на вопрос Цельнера (см. (Zöllner, 1783, 516)), спровоцировавший в Германии 80-х гг. XVIII в. дискуссию о просвещении, через 20 лет после первых немецких ответов звучал следующим образом: «...что такое есть *просвещение*? Из всех политических предметов ни один столько не занимает философов, как сей. Сколько издано книг о народном просвещении! Каждый философ не упустил в свою чреду соорудить систему и предложить оную свету как самую удобнейшую, по крайней мере по его мнению. <...> *Просвещение, в настоящем смысле приемлемое, состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании ни находился, совершенно знает и исполняет свои должности, то есть когда начальство с своей стороны свято исполняет обязанности вверенной оному власти, а нижнего разряда люди ненарушимо исполняют обязанности своего повиновения. Есть ли сии два состояния не переступают своих мер, сохраняя должное в отношениях своих равновесие, тогда просвещение достигло желаемой цели*» (Пнин, 1966, 182–183). Сочинение Пнина, в отличие от ранних немецких ответов, представляет собой в то же время определенную реакцию на следствия французской революции, анализ ее итогов применительно к России и определение целей просвещения в соответствии с сословным делением — последним аспектом оно отчасти напоминает статью о просвещении Мендельсона.

III. Первые итоги

В какой степени русские мыслители XVIII в. фактически были знакомы с философскими размышлениями о просвещении в той или иной форме во Франции и в Германии, и в какой степени они были знакомы с их терминологией? С чем именно в немецком или французском языке они соотносили собственное понятие просвещения? В общем виде на этот вопрос ответить вряд ли возможно¹⁴. Тем не менее, косвенно что-то могут прояснить словари и лексиконы того времени. Так, в лексиконе Академии наук 1731 г. немецкий глагол *aufklären* толковался исключительно в климатическом ключе¹⁵: «*Aufklären, enubilare, яснетися, выясневати. der Himmel kläret sich auf, aer clarefeit, ведро настает*» (Немецко-латинский и русский лексикон, 1731, 45). В сравнительном лексиконе 1755 г., подготовленном С. Волчковым, французский глагол *éclairer* трактовался также весьма прозаично: «*Eclairer qu. Leuchten, erleuchten. Facem, lumen ei graeferre. Светить, свечу держать*» (Новый лексикон, 1755, 792). В год выхода статей о просвещении Канта и Мендельсона — в 1784 г. — лексикон, изданный Я. Родде, соотносил просвещение с *Erleuchtung*, а не с *Aufklärung* (Российский лексикон, 1784, 302). На рубеже XVIII и XIX вв. *Aufklärung* разъяснялось уже разными

¹⁴ В каждом конкретном случае ответ может выглядеть по-разному. Так, некоторые исследователи высказывают обоснованные гипотезы о знакомстве и пересказе кантовской статьи о просвещении в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева; см. [Каплун, 2021, 27–58]. Митрополит Платон, в свою очередь, оставил рукописные ответы на 16 вопросов Вольтера; см. об этом [Глазева, 2010, 123, 130].

¹⁵ Прояснение туч и светящее Солнце были одним из главных образов многочисленных фронтисписов в трудах Хр. Вольфа; см. об этом [Schneiders, 1990, 83–93].

способами: и как «выяснение», и как «прочищение», и как объяснение, и как просвещение (Полный немецко-русский лексикон, 1798, 132; Neum, 1801, 91). Наконец, в российско-французско-немецком словаре И. Гейма 1801 г. вновь присутствуют как прежние религиозные оттенки просвещения, так и четкое его соотношение с немецким понятием Aufklärung: «Науки просвещают разум, les sciences eclairent l'esprit, die Wissenschaften klären den Verstand auf, просветить святым крещением, eclaire par le saint bapême, durch die heilige Taufe erleuchten» (Гейм, 1801, 625); «Просвещение, [...] l'eclaircissement, l'illumination, die Aufklärung, Erleuchtung» (Гейм, 1801, 625). Таким образом, во второй половине XVIII в. точно не имелось той синонимии, которая сконструирована ныне — Lumières, Enlightenment, Aufklärung, Просвещение, — а если русские мыслители и соотносили свои понятия с иностранными, то с французским éclairé и немецким aufklären.

Приведенный выше обзор некоторых ключевых значений понятия «просвещение», разделяемый и отстаиваемый самими мыслителями XVIII в., чаще всего задним числом именуемых просветителями, является только еще первой попыткой выявить собственное, а не придуманное потомками понимание просвещения. Возможно, дальнейшие исследования в этом направлении на материале более широкого охвата источников покажут и иные оттенки понятия «просвещение», а в упомянутых мною несколько сместят акценты. Тем не менее, некоторые выводы можно сделать уже и сейчас.

Во-первых, в России имелось собственное понятие просвещения, бывшее в ходу еще до расцвета так называемой эпохи Просвещения. В силу религиозных и моральных корней это понятие существенно отличалось от сконструированного историками позднего времени и отчасти искусственно наложенного на исконное понятие просвещения, хотя некоторое наложение ряда западноевропейских идей на русское значение просвещения произошло еще в конце XVIII — начале XIX вв. Игнорирование этого собственного понятия просвещения оказывается преградой на пути понимания мыслей русских философов XVIII в., а также исключает из поля зрения и исследования определенную дискуссию о просвещении того времени.

Сказанное не отменяет возможности рассмотрения и XVIII, и XIX в. в России с точки зрения адаптации некоторых западноевропейских порядков, а также таких насущных и животрепещущих проблем, как отмена крепостного права, ограничение самодержавной власти, развитие буржуазии, ограничение роли Церкви в государстве... Но при таком рассмотрении следует отдавать себе отчет в том, что собственное понимание просвещения русскими мыслителями сознательно игнорируется и искусственно замещается конструктами, вносимыми задним числом. Но даже и в этом случае хорошо было бы применять одну и ту же мерку как к русским мыслителям XVIII в., так и к западноевропейским. Так, например, ни в статье Канта, ни в статье Мендельсона о просвещении нет проповеди отмены крепостного права в Пруссии, отказа от королевского правления, закрытия монастырей... Но тогда на этом основании и Канта, и Мендельсона с их статьями, да и всю Пруссию следовало бы исключить из некоей «эпохи Просвещения», как это делают некоторые с Россией и русскими мыслителями XVIII в.

Источники и литература

Источники

1. Аничков (1952) — *Аничков Д. С.* Слово о разных причинах, немалое препятствие причиняющих в продолжение познания человеческого // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под ред. И. Я. Щипанова. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. Т. 1. С. 152–161.

2. Барсов (1952) — *Барсов А. А. Речь о пользе учреждения императорского Московского университета при открытии онога 1755 года апреля 26 дня* // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под ред. И. Я. Щипанова. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. Т. 1. С. 105–110.
3. Безак (1788) — *Безак Хр. Хр. Наставление, об изящных действиях просвещения разума*. СПб.: тип. Сухопутного кадетского корпуса, 1788. 16 с.
4. Богуславский (1994) — *Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера* / Под ред. В. М. Богуславского. М.: Наука, 1994. 720 с.
5. Гейм (1801) — *Новый российско-французско-немецкий словарь, сочиненный по словарию Российской Академии И. Геймом*. М.: Университетская тип., 1801. Т. 2. 652 с.
6. Гоголь (1952) — *Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями* // *Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т.* Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 213–418.
7. Гоголь (2012) — *Гоголь Н. В. Мертвые души* // *Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем*. М.: Наука, 2012. Т. 7. Кн. 1. С. 5–232.
8. Городчанинов (1808) — *Городчанинов Г. Н. Разсуждение о действии просвещения на разум и сердце, произнесенное в бывшем при Имп. Казанском университете публичном собрании 30 августа 1807 года*. СПб.: Шнор, 1808. 16 с.
9. Григорьев (1982) — *Григорьев А. А. Гоголь и его последняя книга* // *Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века* / Подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора, А. Л. Осповата. М.: Искусство, 1982. С. 106–125.
10. Дамский (1794) — *Дамский К. Ф. Путь к добродетели и любомудрию или Избрание нравоучений, и главнейших познаний; служащих: для вкоренения в юношестве благонравия, и нужнейшаго просвещения*. СПб.: тип. для комиссии об учреждении училищ, 1794. 89 с.
11. Десницкий (1952) — *Десницкий С. Е. Юридическое разсуждение о разных понятиях, какия имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежителства* // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под ред. И. Я. Щипанова. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. Т. 1. С. 268–286.
12. Дидро (1939) — *Дидро Д. Статьи из «Энциклопедии»* // *Дидро Д. Собрание сочинений: в 10 т.* / Под ред. И. К. Луппола. М.; Л.: Госполитиздат, 1939. Т. 7. С. 41–358.
13. Друг просвещения (1804–1806) — *Друг просвещения. Журнал Литтературы, Наук и Художеств*. М.: В тип. Платона Бекетова, 1804–1806.
14. Духовный регламент (1866) — *Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца Всероссийскаго*. М.: в Синодальной тип., 1866. 192 с.
15. Ертов (1799) — *Картина просвещения россиян, пред началом девятагонадесять века. Отрывки и смесь*. СПб.: Тип. Гос. Мед. коллегии, 1799. 70 с.
16. Кант (1994) — *Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение?* // *Кант И. Сочинения на немецком и русском языках* / Под ред. Б. Тушлинга, Н. В. Мотрошиловой. М.: Ками, 1994. Т. 1. С. 127–147.
17. Карамзин (1964а) — *Карамзин Н. М. Мелодор к Филалету* // *Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т.* / Сост., подгот. текста и примеч. Г. П. Макагоненко. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 245–250.
18. Карамзин (1964б) — *Карамзин Н. М. Филалет к Мелодору* // *Карамзин Н. М. Избранные сочинения в 2-х т.* / Сост., подгот. текста и примеч. Г. П. Макагоненко. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 251–258.
19. Козельский (1770а) — *Статьи о философии, и частях ея из Энциклопедии* / Пер. Я. П. Козельского. СПб.: при Императорской Академии наук, 1770. Ч. I. 148 с.
20. Козельский (1770б) — *Статьи о нравоучительной философии, и частях ея из Энциклопедии* / Пер. Я. П. Козельского. СПб.: при Императорской Академии наук, 1770. Ч. II. 248 с.
21. Кречетов (1899) — *Не вси, и не ничево. Лист первый*. СПб., 1786 // *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете*. М.: в университетской тип., 1899. Кн. 1. С. 347–385.

22. Кречетов (1966) — *Кречетов Ф. В.* План юридический // Русские просветители (от Радищева до декабристов). Собрание произведений: в 2 т. / Под ред. И. Я. Щипанова. М.: Мысль, 1966. Т. 2. С. 373–413.
23. Крылов (1945) — *Крылов И. А.* Почта духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами // *Крылов И. А.* Полное собрание сочинений / Под ред. Д. Бедного. М.: ОГИЗ, 1945. Т. 1. С. 11–282.
24. Ленин (1967) — *Ленин В. И.* От какого наследства мы отказываемся? // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1967. Т. 2. С. 505–550.
25. Ломоносов (1959а) — *Ломоносов М. В.* Петр Великий, героическая поэма (1756–1761) // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8. С. 696–734.
26. Ломоносов (1959б) — *Ломоносов М. В.* Слово благодарственное Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] на освящение Академии Художеств, именем ея говоренное (1764) // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8. С. 807–816.
27. Ломоносов (1959с) — *Ломоносов М. В.* Слово Похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное Апреля 26 дня 1755 года (1754–1755) // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8. С. 584–612.
28. Малиновский (1798) — *Малиновский Ф. А.* Слово о неразрывной связи истинного просвещения с благочестием, в церкви Императорскаго Московскаго Университета. М.: в университетской тип., 1798. 8 с.
29. Немецко-латинский и русский лексикон (1731) — Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатю издан. СПб.: При Имп. Академии наук, 1731. 788 с.
30. Новиков (1951а) — *Новиков Н. И.* [«Нравоучение как практическое наставление»] // *Новиков Н. И.* Избранные сочинения / Подг. текста, вступ. ст. и комм. Г. П. Макагоненко. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1951. С. 399–404.
31. Новиков (1951б) — *Новиков Н. И.* Живописец. Третье издание 1775 г. Ч. II // *Новиков Н. И.* Избранные сочинения / Подг. текста, вступ. ст. и комм. Г. П. Макагоненко. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1951. С. 157–220.
32. Новый лексикон (1755) — Новый лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках / Пер. С. Волчков. СПб.: Императорская Академия наук, 1755. Ч. 1. 1062 с.
33. Панкевич (1800) — *Панкевич М. И.* Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения. М.: Университетская тип., 1800. 95 с.
34. Платон Левшин (1780а) — *Платон (Левшин).* Слово в день Архангела Михаила // *Платон, архиепископ (Левшин).* Поучительныя слова. М.: Сенатская тип., 1780. Т. IV. С. 143–150.
35. Платон Левшин (1780б) — *Платон (Левшин).* Слово в день нерукотвореннаго образа // *Платон, архиепископ (Левшин).* Поучительныя слова. М.: Сенатская тип., 1780. Т. IV. С. 78–85.
36. Платон Левшин (1780с) — *Платон (Левшин).* Слово в неделю четвертую Великаго Поста // *Платон, архиепископ (Левшин).* Поучительныя слова. М.: Сенатская тип., 1780. Т. IV. С. 299–305.
37. Платон Левшин (1786) — *Платон (Левшин).* Слово на Вознесение Господне // *Платон, архиепископ (Левшин).* Поучительныя слова. М.: Сенатская тип., 1786. Т. XII. С. 267–276.
38. Плеханов (1925) — *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. Кн. 3 // *Плеханов Г. В.* Сочинения / Под ред. Д. Б. Рязанова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. XXII. С. 5–356.
39. Пнин (1966) — *Пнин И. П.* Опыт о просвещении относительно России // Русские просветители (от Радищева до декабристов). Собрание произведений: в 2 т. / Под ред. И. Я. Щипанова. М.: Мысль, 1966. Т. 1. С. 179–231.
40. Полный немецко-российский лексикон (1798) — Полный немецко-российский лексикон, из большого граматикально-критическаго словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершеннаго познания немецкаго языка нужных словоизречений и объяснений / Изд. Обществом ученых людей. СПб.: в Императорской тип., у Ивана Вейбрехта, 1798. Ч. 1. 1048 с.

41. Поповский (1952) — *Поповский Н.Н.* Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете гимназии ректором // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под ред. И. Я. Щипанова. М.: Гос. изд-во полиг. литературы, 1952. Т. 1. С. 87–94.
42. Попугаев (1804) — *Попугаев В.В.* О политическом просвещении вообще // Периодическое издание Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств. СПб.: при Морской тип., 1804. Ч. 1. С. 56–89.
43. Российский лексикон (1784) — Российский лексикон по алфавиту / Изд. Я. Родде. Рига: Иоганн Фридрих Гарткнох, 1784. 418 с.
44. Словарь Академии Российской (1822) — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб.: При Императорской Академии наук, 1822. Ч. V. 1142 ст.
45. Словарь церковно-славянского и русского языка (1847) — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб.: в тип. Императорской Академии наук, 1847. Т. 3. 589 с.
46. Снегирев (1797) — *Снегирев М.М.* Слово о пользе нравственного просвещения, на всерадостный день тезоименитства его императорского величества, всепресветлейшаго, державнейшаго, великаго государя, императора и самодержца всея России Павла Перваго. М.: Университетская тип., 1797. 15 с.
47. Сумароков (2010) — *Сумароков А.П.* О любви ко ближнему // Общественная мысль России XVIII века / Под ред. Т. В. Артемьевой. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 40–44.
48. Татищев (1979) — *Татищев В.Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // *Татищев В.Н.* Избранные произведения / Под ред. С. Н. Валка. Л.: Наука, 1979. С. 51–132.
49. Фонвизин (1959а) — *Фонвизин Д.И.* Недоросль // *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. // Сост., подг. текста, вступ. ст. и комм. Г. П. Макагоненко. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. Т. 1. С. 105–178.
50. Фонвизин (1959б) — *Фонвизин Д.И.* Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: в 2 т. / Сост., подг. текста, вступ. ст. и комм. Г. П. Макагоненко. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. Т. 2. С. 81–108.
51. Чеботарев (1779) — *Чеботарев Х.А.* Слово о способах и путях, ведущих к просвещению; на высокотожественный день рождения ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийския Екатерины Вторыя, премудрыя законодательницы и истинныя матери отечества, в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета, апреля 22 дня 1779 года. М.: Университетская тип., 1779. 28 с.
52. Шаден (1771) — *Шаден И.М.* Слово о праве обладателя в разсуждении воспитания и просвещения науками и художествами подданных. На день возшествия на всероссийский престол августейшия и самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины II истинныя матери отечества; в публичном собрании благоговейно торжествовавшего Императорскаго Университета, июня 30 дня, 1770 года, говоренное. М.: при Московском университете, 1771. 112 с.
53. Encyclopédie (1751) — Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris: Chez Briasson ... David l'aîné ... Le Breton ... Durand, 1751. Т. 5. 1011 p.
54. Heym (1801) — *Heym J.* Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Wörterbuch. Riga: Carl Johann Gottfried Hartmann, 1801. Tl. 1. 1570 Sp.
55. Kant (1923) — *Kant I.* Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // *Kant's Gesammelte Schriften* / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin: Walter de Gruyter, 1923. Bd. VIII. S. 33–42.
56. Mendelssohn (1784) — *Mendelssohn M.* Ueber die Frage: was heißt aufklären? // *Berlinische Monatsschrift* / Hrsg. von F. Gedike, J. E. Biester. Berlin: Bei Haude und Spener, 1784. Bd. 4. S. 193–200.
57. Zöllner (1784) — *Der Affe.* Eine Fabel // *Berlinische Monatsschrift* / Hrsg. von F. Gedike, J. E. Biester. Berlin: Bei Haude und Spener, 1784. Bd. 4. S. 480.
58. Zöllner (1783) — *Zöllner J.F.* Ist es rathsam, das Ehebüdnis ferner durch die Religion zu sancieren? // *Berlinische Monatsschrift* / Hrsg. von F. Gedike, J. E. Biester. Berlin: Bei Haude und Spener, 1783. Bd. 2. S. 508–517.

Литература

59. Березин (1876) — Русский энциклопедический словарь / Изд. И. А. Березина. Отд. III. Т. IV. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1876. 694 с.
60. Берков (1981) — *Берков П. Н.* Проблемы исторического развития литератур. Статьи. Л.: Художественная литература, 1981. 495 с.
61. Бычков (1940) — *Бычков Л. Н.* Просветители в России // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, ¹1940. Т. 47. Ст. 313–316.
62. Воропаев (2011) — *Воропаев В. А.* Прелесть и просвещение у А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя // Русская речь. 2011. № 3. С. 80–83.
63. Глазева (2010) — *Глазева А. С.* Жизнь и взгляды Московского митрополита Платона (Левшина) // Российская история. 2010. № 6. С. 120–131.
64. Гранат (1934) — Энциклопедический словарь Т-ва «Братья А. и И. Гранат и К°». М.: Русский библиографический институт Гранат, ⁷1934. Т. 33. 456 с.
65. Гриффитс (2013) — *Гриффитс Д.* Екатерина II и ее мир. Статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 530 с.
66. Длугач (2010) — *Длугач Т. Б.* Просвещение // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, ²2010. Т. 3. С. 366.
67. Дынник (1931) — *Дынник М. А.* Просветительная философия // Малая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, ¹1931. Т. 6. Ст. 936–939.
68. Живов (2002) — *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предьистории русской культуры. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 758 с.
69. Зутис (1940) — *Зутис Я. Я.* Просвещения эпоха // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, ¹1940. Т. 47. Ст. 316–319.
70. Каменский (1941) — *Каменский З. А.* Философские идеи русского Просвещения. М.: Мысль, 1971. 395 с.
71. Каплун (2021) — *Каплун В. Л.* У истоков российского политического модерна: «подтибрил» ли Радищев свой проект Просвещения у Канта? (И если да, то почему не сослался?) // Логос. 2021. Т. 31. № 5. С. 27–58.
72. Кареев (1898) — *Кареев Н. И.* Просвещение // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. Т. XXV. С. 469.
73. Край (1854) — Справочный энциклопедический словарь / Изд. К. К. Крайя. СПб.: Тип. А. Дмитриева, 1854. Т. 9. Ч. 1. 364 с.
74. Круглов (2014) — *Круглов А. Н.* Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Ч. I // Кантовский сборник. 2014. № 3 (49). С. 19–39.
75. Левинтон и др. (1975) — *Левинтон А. Г., Фишман О. Л., Володин А. И., Краснобаев Б. И.* Просвещение // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, ³1975. Т. 21. С. 104–110.
76. Макагоненко (1961) — *Макагоненко Г. П.* Денис Фонвизин. Творческий путь. М.; Л.: Гослитиздат, 1961. 443 с.
77. Макагоненко (1952) — *Макагоненко Г. П.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л.: Гослитиздат, ²1952. 544 с.
78. Макагоненко (1956) — *Макагоненко Г. П.* Радищев и его время. М.: Гослитиздат, 1956. 774 с.
79. Малая советская энциклопедия (1939) — Малая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, ²1939. Т. 8. 1018 ст.
80. Моряков (1994) — *Моряков В. И.* Русское просветительство второй половины XVIII века (Из истории общественно-политической мысли России). М.: Изд-во МГУ, 1994. 215 с.
81. Настольный энциклопедический словарь (1895) — Настольный энциклопедический словарь. М.: А. Гранат и К°, 1895. Т. VII. 4554 с.
82. Нива (1999) — *Нива Ж.* Пушкин: между просветительством и христианством // Контиент. 1999 (№ 2). № 100. С. 345–351.
83. Орлов (1950) — *Орлов В. Н.* Русские просветители 1790–1800-х годов. М.; Л.: Гослитиздат, 1950. 478 с.

84. Осокин (2013) — *Осокин М. Ю.* «Между делом сквернодействия» Григория Теплова. URL: <http://polit.ru/article/2013/07/27/teplov> (дата обращения: 12.01.2023).
85. Просветители в России (1955) — Просветители в России // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, ²1955. Т. 35. С. 89.
86. Просвещение (2015) — Просвещение // Большая российская энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2015. Т. 27. С. 608–611.
87. Просвещения эпоха (1955) — Просвещения эпоха // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, ²1955. Т. 35. С. 91–92.
88. Пустарнаков (2010) — *Пустарнаков В. Ф.* Просвещение в России // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, ²2010. Т. 3. С. 368–369.
89. Пустарнаков (2002) — *Пустарнаков В. Ф.* Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М.: ИФРАН, 2002. 337 с.
90. Розенталь (1931) — *Розенталь Н.* Просвещения век // Малая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, ¹1931. Т. 6. Ст. 939–940.
91. Словарь русского языка (1995) — Словарь русского языка XII–XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 20. 288 с.
92. Стасюлевич (1878) — *М. С.* Некролог. Николай Александрович Некрасов // Вестник Европы. Журнал истории — политики — литературы. 1878. Т. 69. С. 906–915.
93. Чулков (1933) — *Чулков Н. П.* Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII века // Литературное наследие. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. Т. 9–10. С. 453–470.
94. Э. П. Б. и др. (2015) — Крещение // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2015. Т. XXXVIII. С. 612–707.
95. Южаков (1904) — Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1904. Т. 15. 794 с.
96. Cassirer (1932) — *Cassirer E.* Die Philosophie der Aufklärung. Tübingen: Mohr, 1932. 491 S.
97. Hazard (1935) — *Hazard P.* La Crise de la conscience européenne. 1680–1715. Paris: Boivin, 1935. Vol. 1–3. 326 p.+316 p.+159 p.
98. Hazard (1946) — *Hazard P.* La Pensée européenne au XVIIIe siècle de Montesquieu à Lessing. Paris: Boivin, 1946. Vol. 1–3. 375 p.+301 p.+154 p.
99. Schneiders (1990) — *Schneiders W.* Hoffnung auf Vernunft. Aufklärungsphilosophie in Deutschland. Hamburg: Felix Meiner, 1990. 190 S.
100. Wirtschafter (2013) — *Wirtschafter E. K.* Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: the Teachings of Metropolitan Platon. DeKalb: NIU Press, 2013. 193 p.